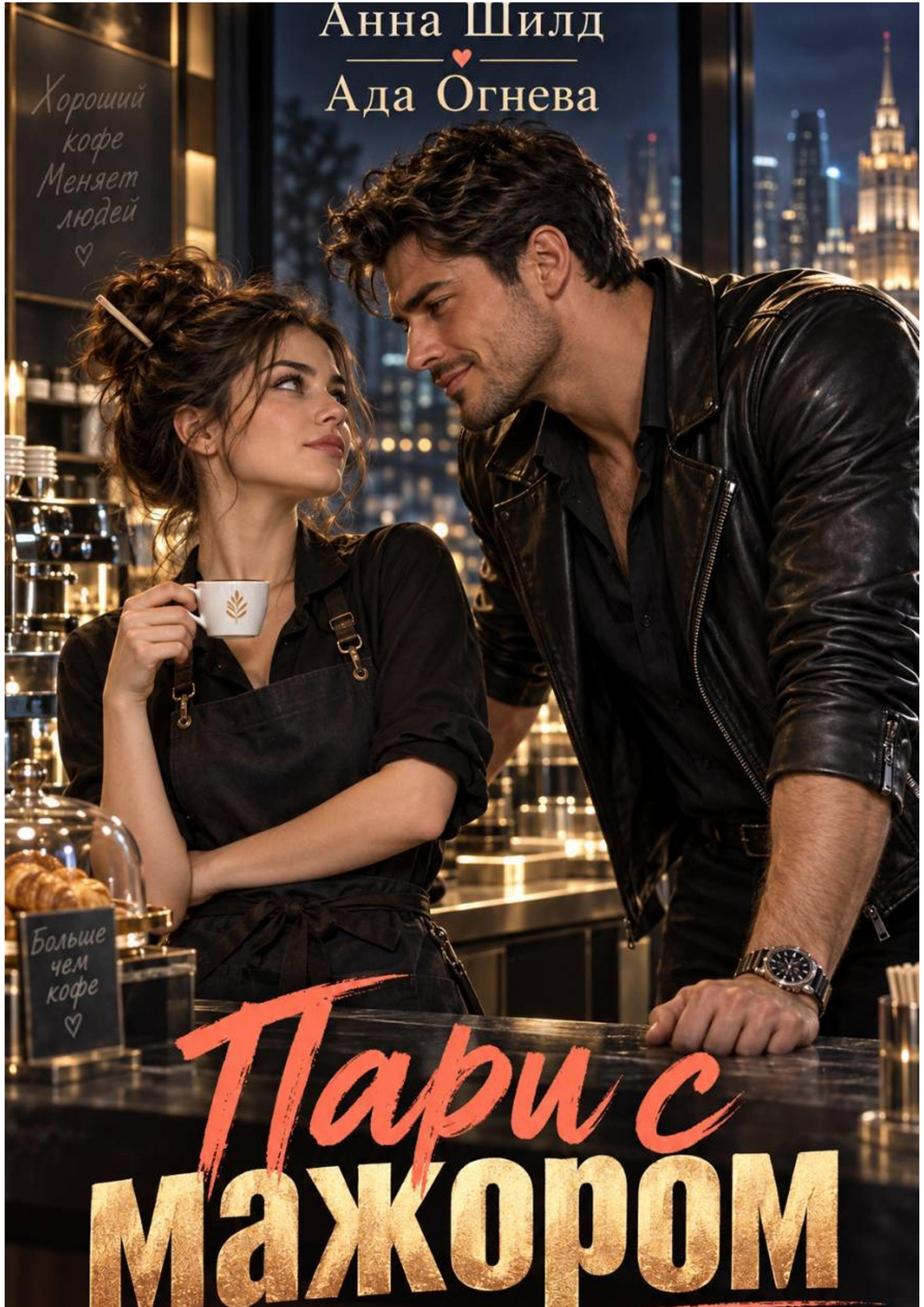

Анна Шилд

Ада Огнева

Хороший
кофе
Меняет
людей

Больше
чем
кофе

Тари с мажором

Ада Огнева

Пари с мажором

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Пари с мажором / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Полина Смирнова умеет варить кофе, считать каждую копейку и ставить на место самоуверенных клиентов. Влад Орлов привык, что деньги, скорость и улыбка открывают любые двери. Их знакомство начинается с кислого эспresso, испорченной дорогой одежды и публичной перепалки у стойки. Казалось бы, мажору проще выбрать другую кофейню. Вместо этого появляется пари, в котором на кону его легендарный «Мустанг» и её спокойная жизнь. Полина не собирается уступать. Влад не умеет проигрывать. Вот только правила ничего не говорят о чувствах, которые оба слишком упрямы, чтобы признать.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Шилд

Пари с мажором

Пари с мажором

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Пар из носика кофемашины ударил мне в лицо обжигающей волной. В стеклянном вестибюле башни «Федерация» стоял такой гул, будто под гранитным полом запускали реактивные двигатели.

Пятница, ровно восемь тридцать утра. Тысячи сонных людей в темных пальто и безупречно отглаженных костюмах вливались через крутящиеся двери и шли на штурм скоростных лифтов.

Наш «Блэк Фокс» ютился между двумя гранитными колоннами: два на три метра, кофемашина, витрина и я. Телефон снова подал голос Аси: «Поль, мы все еще в тоннеле. Я не знаю, когда выберусь».

Я выключила сообщение локтем. Перед стойкой ждали сорок человек.

Я пришла сюда еще без четверти семь утра, когда серый октябрьский город за панорамными стеклами едва начинал шевелиться в холодном тумане. Огромные зеркальные башни Сити резали низкое свинцовое небо словно гигантские геометрические осколки темного льда. Ночные уборщики заканчивали полировать гранитные плиты широкими шумными машинами, в воздухе витал запах синтетического воска и озона.

К открытию я уже трижды перенастроила помол. Первый эспрессо убежал водой, второй еле прокапал; только третья чашка получилась как надо. Теперь бы найти минуту выпить ее самой.

На мне был надет плотный фирменный фартук из грубой черной саржи с вышитой на нагрудном кармане рыжей лисицей. Густые каштановые волосы на затылке я на скорую руку скрутила в тугий небрежный узел и насквозь проткнула обычной деревянной палочкой для размещения тростникового сахара. Это был мой старый проверенный рабочий прием. Ни одна фабричная шпилька или хлипкий пластиковый крабик не держали эту тяжелую копну при бесконечных наклонах к нижнему холодильнику с молоком — деревянная палочка сидела мертво, весело торча острым концом над моим правым ухом.

Пальцы мои насквозь пропахли горьким кофейным маслом и жженым сахаром, пояница уже начинала мелко поднывать от непрерывных разворотов между кофемолкой, температурометром и раковиной, а в заднем кармане потертых джинсов с методичностью тяжелого отбойного молотка вибрировал старенький телефон.

Телефон снова завибрировал: Даня. К следующей пятнице нужно было внести сорок тысяч за осенний практикум. Иначе — долг по учебе, недопуск и разговор об отчислении. Брат прислал фотографию платежки еще до семи утра.

Даня не добрал одного балла до бюджета. Теперь паял ночами свои платы и писал мне «прости» всякий раз, когда университету требовались деньги. После гибели родителей нас осталось двое. Отправить его бросать учебу ради смены на складе я не могла.

На карте после аренды осталось пятнадцать тысяч. Я снова посчитала разницу, хотя от этого она не уменьшалась. Двадцать пять. Передо мной ждали сорок человек — пока думать о деньгах было некогда.

Перед стойкой стоял молодой младший аналитик из инвестиционного фонда. Парень переминался с ноги на ногу, его глаза слипались от бессонной ночи за графиками котировок, а руки мелко подрагивали.

— Мне двойной фильтр, пожалуйста, — хрипло попросил он, протягивая мятую купюру. — И скажите, что сегодня хотя бы не будет дождя.

— Насчет погоды гарантий не даю, но кофе вернет вас к жизни за три глотка, — тепло улыбнулась я, протягивая ему дымящийся стаканчик с плотной крышкой.

Следом подошел дядя Миша, охранник из центрального холла, и подмигнул:

— Держись, Полинка. Сегодня в башне совет директоров строительного холдинга, начальство с утра как на иголках ходит.

— Прорвемся, дядя Миша, нам не привыкать, — ответила я, вытирая конденсат с металлической решетки.

И тут к стойке протиснулась наша постоянная клиентка из аудита.

— Девушка, милая, мне большой капучино на фундучном молоке, но только чтобы температура была строго шестьдесят пять градусов, и корицу насыпьте исключительно по краю ободка стакана, — протянула высокая блондинка с синей лентой бейджа финансового аудита на тонкой шее.

— Сделаем в лучшем виде, корицу уложим по вашему проекту, — бодро отозвалась я, уже сбивая остатки отработанной кофейной таблетки в резиновый нок-бокс.

Холдер глухо звякнул о круглую перекладину. Я смахнула сухой кисточкой крупинки с металлической сеточки, подставила тяжелый двухпорционный рожок под жернова высокой матовой кофемолки и нажала кнопку двойного помола. Пространство островка мгновенно заполнилось густым, шероховатым треском дробящихся зерен темной бразильской обжарки. Плотный аромат жареного лесного ореха, темного горького шоколада и теплой карамели широким облаком поплыл над полированной стойкой.

Я быстро разровняла бугорок кофейной пыли указательным пальцем, с усилием вдавила тяжелый стальной темпер в корзину, вставила рожок в разогретую группу кофемашины и щелкнула тумблером пролива. Две маслянистые струи цвета жженого тростника синхронно зажурчали в высокий стакан.

В этот самый миг за панорамным остеклением главного входа башни оглушительно, с металлическим клекотом взревел прямоточный глушитель.

Чашки на полке звякнули. Кто-то в очереди обернулся к стеклянным дверям: снаружи ревел мотор.

Сквозь стройные ряды клерков, бесцеремонно задевая широким плечом сонных аналитиков и заставляя людей торопливо шарахаться в стороны, размашистым уверенным шагом шел высокий темноволосый парень.

Расстегнутая косуха, серое худи, дорогие часы. Красивый до злости — и настолько уверенный, что очередь подвинется сама, что даже не смотрел на людей перед собой.

За два года в Сити я выучила этот взгляд. Обычно следом просили позвать кого-нибудь поглавнее.

Парень даже не подумал сбавить шаг перед нашей стойкой.

Он нагло, по-хозяйски протиснулся прямо перед носом опешившей блондинки из аудита, заставив девушку испуганно прижать к груди кожаную папку с квартальными отчетами, и небрежно оперся ладонью о край моей дубовой столешницы прямо перед кассовым терминалом. От него мгновенно повеяло густой волной породистого шлейфового парфюма с терпкими древесными нотами, оттенком сухого дорогого табака и жженого сахара.

Его длинные сильные пальцы с безупречным маникюром звонко барабанили по дереву. Затем широким, барским движением он шлепнул на керамическое блюдо с корицей новенькую, хрустящую пятитысячную купюру.

— Двойной эспрессо, крошка, — сказал он. — Быстро, без сахара. Сдачу оставь себе на помаду.

Возле стойки на мгновение повисла звенящая, мертвая тишина.

Блондинка из аудита застыла с приоткрытым ртом, очередь позади него возмущенно замерла, какой-то плотный солидный мужчина в кашемировом пальто сердито нахмурился. Я медленно опустила металлический молочник на решетку каплесборника и подняла голову.

Он не убирал руку с прилавка. Улыбался и ждал. Я тоже смотрела на него — только улыбаться не собиралась.

Пять тысяч лежали на корице. Блондинка из аудита придвинула ко мне свой чек, словно напоминая: сейчас ее очередь.

Я подцепила купюру двумя пальцами и задвинула под кассовый терминал. Пусть полежит. Вне очереди она его все равно не проведет.

Парень насмешливо вскинул темную бровь, решив, по всей видимости, что щедрые чаевые уже благополучно отправились в мой личный карман.

Я нажала кнопку петлички, через которую мы объявляли готовые заказы. Динамики под потолком коротко щелкнули.

Я заговорила в микрофон:

— Гражданин в дизайнерской косухе, встаньте в конец очереди за отделом финансовой отчетности. И помадой я не пользуюсь: от дешевой у меня изжога, а на дорогую ваши чаевые все равно не потянут.

Меня услышали даже у турникетов.

Кто-то за его спиной прыснул. Мужчина в очках подхватил — и очередь рассмеялась.

Блондинка из аудита наконец вернула свою папку на стойку.

— Мой капучино все еще первый? — спросила она, глядя на него.

— Разумеется.

Самодовольная ухмылка мгновенно слетела с холеного лица незнакомца.

Он сжал челюсти и посмотрел через плечо на смеющуюся очередь. Потом снова на меня. Улыбаться ему расхотелось.

Он сделал резкий шаг вперед, нависая над полированной дубовой стойкой всем корпусом. Его широкие плечи опасно напряглись, костяшки пальцев, упершихся в край прилавка,

побелели от колоссального усилия. Мы оказались настолько близко друг к другу, что я почувствовала кожей исходящий от него сухой, яростный жар.

— Ты хоть представляешь себе, сколько стоит минута моего времени, язва? — процедил он сквозь зубы глухим, вибрирующим от сдвленной злобы шепотом.

Я не отвела глаз. Пришлось вцепиться пальцами в ручку питчера, чтобы он не заметил, как они дрожат.

Я нарочито неторопливо повернулась к кофемолке, смела сухой кисточкой крупинки кофе с полочки и с непроницаемым лицом ответила:

— Сейчас вы стоите передо мной с протянутой рукой. Так что пока — ни копейки, мужчина. Отойдите, пожалуйста. Вы круассаны загораживаете.

Мужчина в очках опять хрюкнул. Остальные уже улыбались, ожидая ответа.

— Слышь, красавчик, отойди от витрины, позавтракать дай! — весело выкрикнул кто-то из хвоста очереди. — Тут люди на важные совещания опаздывают, а ты со своими часами красуешься!

Он посмотрел на меня, потом на камеру над стойкой. Разжал кулаки.

Он медленно, со свистом втянул носом воздух. В его глазах вспыхнул опасный, хищный азарт игрока, получившего неожиданную пощечину.

Вместо того чтобы развернуться и гордо уйти к выходу, он демонстративно шагнул в сторону. Прислонившись плечом к стеклянной перегородке у края стойки, он скрестил руки на широкой груди и вперил в меня тяжелый, немигающий взгляд.

— Ладно, бариста, — глухо, с леденящей усмешкой произнес он. — Вари свой кофе. Я подожду своей законной очереди. Лично проверю, за что люди стоят здесь по полчаса.

Глава 2

Следующие полчаса превратились для меня в форменное испытание на выдержку, профессионализм и абсолютное хладнокровие.

Очередь клерков двигалась непрерывной, плотной, шумящей рекой. Я вертелась на тесном деревянном настиле словно заведенный механизм. Взбивала овсяное молоко для привередливых финансисток, отмеряла ванильные сиропы с точностью ювелира, наливала обжигающие крепкие американо юристам, упаковывала горячие сэндвичи в хрустящий пергамент и звонко отсчитывала сдачу до последнего рубля. Пока один эспрессо тек в чашку, я уже подписывала следующий стакан; стоило замешкаться, и очередь снова начинала вздыхать.

Однако все это время я физически, буквально каждой клеточкой кожи чувствовала на себе тяжелый, буравящий взгляд из угла стойки.

Парень не сдвинулся со своего места ни на сантиметр. Он стоял у стеклянной перегородки словно выточенное из темного гранита изваяние, скрестив мускулистые руки на груди. Его темные карие глаза неотрывно следовали за каждым моим движением. Он внимательно смотрел, как я снимаю тяжелый латунный холдер, как взвешиваю порцию свежесмолотого кофе на электронных весах с точностью до десятой доли грамма, как тщательно вытираю капли молока с блестящей трубки капучинатора чистой салфеткой.

В его взгляде уже не осталось и следа прежней сытой скуки. В нем горело упрямое, холодное мужское бешенство, смешанное с острым, колючим любопытством. Казалось, он пытался разглядеть, из какого теста сделана эта девчонка с деревянной палочкой в волосах, посмеивая выставить его на посмеище.

Наконец офисный поток иссяк. Настенные часы с логотипом кофейни показывали начало десятого, клерки торопливо разбежались по своим высотным кабинетам, стеклянные створки

скоростных лифтов сомкнулись, и под высокими сводами вестибюля повисла гулкая, прозрачная тишина, нарушаемая лишь мерным шипением пара в недрах моей кофемашины.

Мы остались абсолютно одни посреди огромного холодного гранита и зеркального стекла.

Я неторопливо вытерла деревянный прилавок влажной салфеткой из микрофибры, сполоснула стальной питчер под струей кипятка из крана и повернулась к единственному оставшемуся гостю.

— Ваш выход, гражданин без помады, — невозмутимо произнесла я, глядя ему прямо в переносицу. — Двойной эспresso, как вы заказывали. Без сахара.

Парень медленно оттолкнулся плечом от стеклянной перегородки. Его походка была бесшумной, упругой и пружинистой, словно у крупного дикого кота перед прыжком на добычу. Он подошел к прилавку вплотную, положил широкие ладони на темное дерево столешницы и слегка наклонился вперед, сокращая дистанцию между нашими лицами до опасного минимума.

— Надеюсь, ты вложила в этот напиток всю свою нерастраченную женскую нежность, крошка, — бархатным, вкрадчивым тоном протянул он, и на его губах снова заиграла ядовитая насмешка. — А то стоять полчаса среди офисных крыс ради чашки бурды было бы слишком щедрым подарком с моей стороны.

Я даже бровью не повела в ответ на его слова. Мои мысли работали предельно трезво. Проучить самодовольного мажора следовало так, чтобы у него навсегда пропало желание хамить работающим людям.

Я потянулась к верхней стеклянной полке. Пусть посмотрит, как внимательно здесь исполняют заказы. Там стояла глухая черная жестяная банка без магазинных этикеток. В этой банке хранился наш особый резервный моносорт, который владельцы сети заказывали микропартиями для редких кофейных ценителей под фильтр-заваривание.

Кенийскую арабику светлой обжарки мы берегли для любителей ягодной кислинки. Парень заказывал без сахара. Что ж, сегодня он познакомится с черной смородиной поближе.

Я открыла крышку банки. Резкий, терпкий аромат свежих листьев черной смородины, кислого ревеня и зеленого незрелого крыжовника ударил мне в нос.

Я смолочила зерно на отдельной кофемолке, разровняла кофе в рожке и прижала темпером. Подставила чашку и включила пролив.

Помпа загудела. В чашку потек эспresso, пахнувший смородиной. Я остановила пролив и поставила чашку на блюдце.

Ровно тридцать миллилитров чистого кофейного возмездия.

Я положила на блюдце маленькую серебристую ложечку и с безупречной улыбкой светской хозяйки придвинула заказ к парню.

— Прошу вас. Авторский двойной эспresso свежей обжарки. Без сахара, как вы требовали.

Парень насмешливо хмыкнул, подхватывая крошечную чашечку двумя пальцами.

— Ну давай посмотрим, ради чего стоило ломать эту комедию.

Он самодовольно поднес чашку к губам, сделал демонстративный глубокий вдох и прищурился. Затем, не ожидая никакого подвоха, он запрокинул голову и сделал широкий, жадный, мощный глоток, словно привык опрокидывать в себя двойную порцию кофе одним махом перед стартом рискованной ночной гонки.

В следующую секунду его глаза буквально вылезли из орбит.

Брови парня с размаху взлетели на середину лба, а зрачки сузились в крошечные черные точки. Чудовищная, запредельная яблочно-лимонная кислота кенийского зерна с размаху ошпарила вкусовые рецепторы его языка, будто по ним хлестнули раскаленным проводом. Все

холенное, породистое лицо мажора исказилось такой дикой, мучительной судорогой, словно ему в рот залили стакан чистого уксуса пополам с аккумуляторной кислотой.

Он попытался проглотить кофе, но поперхнулся. Плечи дернулись, в глазах выступили слезы.

В панической попытке поставить чашку обратно на прилавок и спасти хотя бы каплю мужского достоинства, он судорожно махнул рукой в сторону.

И это стало его сокрушительной катастрофой.

Его широкий локоть в жестком кожаном рукаве косухи с глухим стуком снес высокий прозрачный стакан объемом пол-литра, стоявший на самом краю витрины. В этом стакане до краев был налит свежеприготовленный ледяной клюквенный морс с колотым льдом и веточкой мяты, который я сделала для дневного меню.

Морс хлынул ему на грудь.

Алая волна ледяного морса вперемишку с остатками темного горячего эспрессо из дернувшейся чашки хлынула аккуратно под расстегнутую кожаную куртку. Тончайшее кашемировое худи и белоснежная брендовая футболка моментально впитали в себя ледяной ягодный сок. Острые кубики льда со звонким перестуком посыпались ему за воротник, а по дорогой ткани с пугающей скоростью расплзлось колоссальное багровое пятно, до жути похожее на след от пулевого ранения.

Парень замер столбом, опустив подбородок на мокрую грудь.

С подола его испорченной футболки на дорогие замшевые кроссовки мерно капали алые рубиновые капли. На его ключицах таяли прозрачные куски льда, превращая элитный кашемир в холодную мокрую тряпку. Лицо парня из темно-красного от кислоты за считанные секунды стало мертвенно-бледным от неопишуемого, запредельного бешенства.

— Ты... ты что натворила, чокнутая психопатка?! — задыхаясь от ярости, прохрипел он, судорожно выдергивая из настольного диспенсера пачку белых бумажных салфеток.

Салфетки в его дрожащих мокрых пальцах мгновенно размокали, превращаясь в липкие розовые катышки и размазывая ягодный сок еще шире по груди.

— Эта футболка стоит сто тысяч рублей! Эксклюзивный показ парижского модного дома! — рычал он, пытаясь отодрать мокрую холодную ткань от горячего тела. — Я в ней только сегодня из дома вышел!

Я демонстративно скрестила руки на груди и окинула его грандиозный позор ледяным, насмешливым взглядом.

— Во-первых, стакан сбили вы сами своими неуклюжими руками, гражданин пилот. Во-вторых, кофе был без сахара. Как вы и просили. А в-третьих...

Я грациозно наклонилась под стойку, пошарила на нижней полке и с громким полиэтиленовым шелестом вытащила огромный рулон плотных черных мусорных мешков объемом сто двадцать литров.

Оторвав один мешок по линии перфорации, я протянула его мокрому мажору вместе с канцелярскими ножницами.

— Держите. Могу прорезать аккуратные дырки для головы и рук. Отличный дизайнерский дождевик получится. Прикроете этот срам, пока будете бежать к своему роскошному спорткару на подземной парковке.

Парень резко шагнул вперед, буквально перегнувшись через прилавок.

Он оказался совсем близко. К запаху кедра примешалась клюква. Я отступить не стала, хотя за спиной уже упиралась кофемашина.

Он впился глазами в мой металлический бейдж на фартуке.

— Полина Смирнова, значит, — процедил он свистящим шепотом прямо мне в лицо. — Ты еще горько пожалеешь об этом утре, Смирнова. Клянусь, ты лично на коленях приползешь ко мне с извинениями.

Он с яростной силой швырнул комок мокрых салфеток в мусорную урну, круто развернулся на пятках и под хлюпающие звуки промокшей обуви стремительно зашагал в сторону подземных лифтов.

Глава 3

Влад

Подземный уровень минус три башни «Федерация» встретил Влада Орлова глухим гулким эхом и сырой прохладой нежилого бетонного подземелья. Здесь не было сияющего мрамора, огромных панорамных витрин и парадного лоска верхних офисных этажей. В холодном воздухе стоял плотный, тяжелый запах машинного масла, остывающих тормозных дисков, жженой синтетической резины и высокооктанового спортивного бензина.

В глубине полупустого паркинга, в просторном персональном боксе за прочными сетчатыми воротами, спал его личный шедевр.

Матово-черный «Форд Мустанг Мах 1» 1969 года выпуска казался хищным стальным зверем, затаившимся в полумраке бетонной пещеры. Низкая агрессивная посадка, широкий размах мускулистых задних крыльев, двойные воздухозаборники на массивном капоте и сверкающие хромированные диски. Под этим черным листовым металлом скрывался карбюраторный двигатель V8 с турбонаддувом — семь литров, шестьсот сил.

Пять лет назад он привез из-под Ростова ржавый кузов. В этом Мустанге все было знакомым: шрам на пальце от сорвавшегося ключа, упрямый болт, который пришлось высверливать, зазор на крыле, переделанный трижды. Чужие руки к машине Влад подпускать неохотно.

Это была единственная вещь в его жизни, созданная его собственным упорным трудом от первого болта до последнего датчика, без единой копейки и без единого телефонного звонка всесильного отца.

На телефоне светилось напоминание об отцовском совете директоров. Влад смахнул его. На совещание в таком виде он точно не пойдет.

Влад сорвал с себя перепачканную кожаную косуху и в сердцах швырнул ее на металлический верстак с инструментами. Стянув следом мокрое худи, Влад сдернул с крыла Мустанга

грубое вафельное полотенце. Затем схватил двухлитровую бутылку сильногазированной минералки, сорвал пластиковую крышку и с яростью вылил шипящую пенную воду себе на грудь.

Ледяная пена зашипела на ткани. Влад с остервенением принялся оттирать въевшееся клюквенное пятно, сдирая волокна хлопка почти до дыр и оглашая бокс глухими, яростными проклятиями.

— Чокнутая пигалица... Зубастая мелкая дрянь... — хрипел он сквозь зубы, чувствуя, как внутри все клокочет от жгучего стыда и бессильной злобы. — Сто тысяч рублей псу под хвост...

Эхо подземного яруса внезапно разорвал пронзительный визг пробуксовывающих спортивных покрышек.

Из-за массивной бетонной опоры с эффектным широким скольжением вылетел ядовито-желтый «Порше 911», за которым с раскатистым басовитым ревом пристроились два тюнингovaných черных немецких седана. Машины резко замерли в метре от сетчатого ограждения бокса, обдав воздух едким сизым дымом сожженной резины. Двери спорткаров распахнулись, и на серый бетон вывалилась шумная, разгоряченная компания завсегдатаев ночных гонок.

Первым вышел Герман по кличке Шумахер. Его желтый Порше Влад обошел на прошлой гонке у самого финиша. Герман с тех пор улыбался особенно ласково.

На Германе был надет блестящий шелковый бомбер, его холеное лицо лоснилось от неподдельного торжества, а в правой руке покачивался новенький золотистый смартфон с включенной камерой.

— Опачки! Народ, вы только поглядите на эту эпическую картину! — заголосил Герман, показательно наводя объектив камеры прямо на мокрую, багровую грудь Влада. — Наш грозный король ночной Москвы, великий покоритель треков Орлов получил пулю прямо в сердце! Или это тебя ранили на любовном фронте, Ромео?

Толпа за спиной Германа покатила со смеху. Золотая молодежь заулюлюкала, кто-то принялся снимать происходящее на свои телефоны для закрытых клубных каналов.

— Слышь, Орлов, это в тебя из пейнтбольного ружья зарядили или ты арбузом подавился? — гоготал рослый парень в брендовой кепке. — Мы думали, ты на вечерний заезд готовишься, а ты в ягодном компоте купаешься!

Влад швырнул мокрое полотенце на капот Мустанга. Терпение лопнуло. В два широких прыжка он преодолел разделяющее их расстояние, выбросил вперед руку и мертвой хваткой вцепился в воротник шелкового бомбера Германа, приподняв соперника на цыпочки и впечатав затылком в кузов его желтого спорткара.

— Убери свою трубу, Шумахер, — глухо, с леденящей угрозой прорычал Влад, заглядывая прямо в сузившиеся зрачки приятеля. — Пока я не утрамбовал ее тебе в выхлопную трубу твоего пылесоса.

Герман судорожно дернулся, пытаясь сохранить надменный вид, но камеру телефона медленно опустил. Вокруг мгновенно смолкли смешки. Ребята поняли, что шутки кончились и воздух запах дракой.

— Да ладно тебе, Орлов, остынь, — с ядовитой, скользкой ухмылкой протянул Герман, хотя в глубине его глаз промелькнул неподдельный страх. — Правда глаза колет? Весь первый этаж башни уже на ушах стоит! Охранники видео с камер наблюдения в закрытый чат слили. Тебя только что прилюдно раскатала в тонкий блин сопливая девчонка с кофемашиной! Мало того, что выставила на мороз в самый хвост очереди, так еще и компотом облила, как шелудивого щенка! Ты растерял всю свою хваленую породу, старик. Женщины от тебя шарахаются. Ты стал пустым местом с папиной золотой карточкой.

Влад перехватил воротник поудобнее. Герман больше не улыбался, но замолчать не хотел.

— Заткнись, — прохрипел Влад, сильнее сжимая воротник шелковой куртки. — Эта девка просто набивает себе цену перед клерками. Захочу — она будет скулить под моими дверями через пару дней.

Герман ядовито усмехнулся и осторожно, двумя пальцами снял руку Влада со своей куртки.

— Через пару дней? Не смеши мои подковы, Ромео. Ты к ней даже подойти теперь постесняешься, она тебе остатки помоев на лысину выльет. Девчонка тебя за пустое место держит. А давай проверим на деле, мужик ты со стальным характером или обычное трепло на папиных харчах?

Герман демонстративно обошел Влада и остановился у капота матово-черного Мустанга. Он вальяжно положил ладонь с массивным золотым перстнем прямо на матовое железо воздухозаборника.

— Ты пять лет трясешься над этой американской колымагой. Никому даже сесть за руль не даешь. Давай сыграем по-крупному, Орлов. Ставка против ставки. Яставляю свой желтый девятьсот одиннадцатый с заводским тюнингом против твоего черного Мустанга шестьдесят девятого года. Ровно тридцать календарных дней.

На подземном паркинге повисла гробовая, тяжелая тишина. Даже форсированные моторы седанов, работавшие на холостом ходу, казалось, стали звучать приглушеннее. Приятели Германа переглянулись с нескрываемым изумлением. Ставить уникальный кастомный маслкар, в который была вложена душа, против серийного европейского спорткара казалось чистейшим безумием.

Влад медленно развернулся к сопернику.

— Какие условия? — глухо спросил он, глядя на чужую руку, лежащую на капоте его машины.

— Условия предельно прозрачные, — с хищным восторгом оскалился Герман. — Ты затаскиваешь эту зубастую баристу Смирнову в свою постель. И приносишь мне железное доказательство победы. Аудиозапись на диктофон, где она своими собственными губами искренне говорит тебе слова «Я люблю тебя, Влад». Без этого признания победа не засчитывается. Если на тридцатый день в полночь записи нет или девчонка шлет тебя куда подальше — ключи и документы на Мустанг ложатся ко мне в бардачок. Слабо, чемпион? Или прямо сейчас признаешь перед всеми пацанами, что ты сдулся?

Герман с победной наглостью протянул вперед широкую раскрытую ладонь.

Влад посмотрел на чужую ладонь. За спиной Германа уже подняли телефоны. Можно было послать их всех. Вместо этого он шагнул вперед.

Влад ударил по протянутой ладони.

— По рукам, Шумахер! Готовься ходить пешком, когда я заберу твой Порше!

Герман поднял телефон. Камера давно смотрела в бетон, но запись все еще шла.

— Подтверди в чате. Чтобы завтра без «я пошутил».

На экране возникли условия: тридцать дней, Полина Смирнова, запись признания. Влад дочитал до слова «Мустанг».

— Читай внимательно, — сказал Герман.

Влад выхватил свой телефон. «Принимаю. Готовь ключи от Порше». Отправил и следом приложил снимок документов на машину. Сообщение уже прочли восемь человек.

— Время пошло, Ромео. Тридцать дней. Обратный отсчет запущен.

Свита Германа с громким гоготом и свистом расселась по машинам. Спустя мгновение три спорткара с яростным ревом сорвались с места и унеслись вверх по спиральному выезду, оставив после себя густое облако горелого бензина.

Влад остался один в холодном полумраке бетонного тупика.

Он медленно подошел к автомобилю и опустил горячую ладонь на прохладное матовое железо капота. Внутри него шевелилась тяжелая, сосущая пустота. Он понимал, какую смертельно опасную ловушку сам себе захлопнул. Чтобы растопить лед баристы Смирновой, привычных фокусов и наглых наездов явно не хватит.

Глава 4

Полина

Среда встретила меня серым, сырым московским туманом и тяжелым, тягучим предчувствием неизбежной беды.

К одиннадцати часам утра утренний шквал в «Блэк Фокс» наконец утих. Я стояла на коленях за прилавком прямо на деревянном настиле, орудуя острым канцелярским ножом. Передо мной высилась стопка тяжелых коробок из плотного гофрированного картона со свежей партией осенних сиропов. Я методично вскрывала клейкую ленту, извлекая на свет литровые стеклянные бутылки с соленой карамелью, пряной горной лавандой и жареным лесным орехом.

Мой черный рабочий фартук был густо перепачкан белой упаковочной пылью, на большом пальце темнела свежая царапина, а в заднем кармане джинсов снова тревожно зажужжал телефон.

Я торопливо вытерла ладони о край фартука и достала трубку. На треснувшем защитном стекле светилось короткое сообщение от брата Дани —

«Поль, я только что выбежал от замдекана. Он сказал, что ведомость на коммерческую оплату закроют в пятницу ровно в семнадцать ноль-ноль. Если сорока тысяч рублей не будет на расчетном счете университета, в понедельник выйдет официальный приказ об отчислении с факультета. Поль, прости меня, пожалуйста... Я пытался найти ночную смену на складе запчастей, но везде требуют работать полный день...»

Пальцы похолодели. Я прислонилась спиной к каркасу витрины и перечитала последнее Данино «прости». Будто это он был виноват, что нам не хватало денег.

На моем расчетном счете лежало всего пятнадцать тысяч рублей. Двадцать пять тысяч за двое оставшихся суток раздобыть было абсолютно нигде. Ни один банк в здравом уме не

выдаст потребительский кредит студентке вечернего отделения без белой зарплаты и справок о доходах.

Я глубоко вздохнула, заставляя себя проглотить подступающие слезы, спрятала телефон в карман и решительно взялась за бутылку лавандового сиропа. Плакать на смене было непозволительной слабостью.

Внезапно дневной свет в вестибюле башни словно заслонило огромной плотной тенью.

Через автоматические стеклянные двери, тяжело кряхтя и обливаясь градом пота, вошли двое широкоплечих курьеров в темно-зеленых спецовках столичной службы премиальной флористики. Они с натугой тащили в руках колоссальную, циклопических размеров плетеную корзину из темной ивовой лозы.

В этой корзине, прочно закрепленная на тяжелом влажном оазисе, возвышалась невероятная, монументальная копна из ста одной темно-бордовой, почти черной эквадорской розы. Толстые метровые стебли ошестинились грозными шипами, а бархатные гигантские бутоны источали настолько густой, оранжерейный аромат свежесрезанных цветов и влажной земли, что он мгновенно вытеснил из вестибюля привычный дух арабики и теплой выпечки.

Курьеры со сдавленным стоном облегчения водрузили эту ботаническую громадину прямо на мою полированную дубовую стойку.

Корзина оказалась настолько циклопической, что заняла добрых два метра поверхности. Она напрочь перекрыла доступ к экрану кассы, загородила обе кофемолки и намертво замуровала витрину с французскими круассанами.

— Смирнова Полина? — хрипло выдохнул старший курьер, утирая взмокший лоб рукавом куртки. — Распишитесь в бланке приема. Особый срочный заказ, оплачено по высшему разряду с персональной гарантией сохранности бутонов.

Я замерла с канцелярским ножом в пальцах, ошеломленно разглядывая это колючее цветочное чудовище.

В самой гуще бордовых лепестков, на тонкой витой золоченой проволоке, качался траурно-черный матовый конверт из плотной дизайнерской бумаги. Я подцепила его острием ножа, надорвала край и вытащила плотную карточку. Внутри четким, размашистым каллиграфическим почерком было выведено короткое послание —

«За твой кислый характер. Орлов».

Я медленно опустила карточку на деревянную столешницу.

Курьер задержался с телефоном наготове — ждал, видно, счастливого лица для отчета. Я повернула к нему карточку.

— Передайте: характер уже прокис окончательно.

Он спрятал телефон. А я попробовала дотянуться до кассы через розы.

Этот лохотенный мажор только что швырнул на ветер тысяч сорок или пятьдесят рублей исключительно ради того, чтобы потешить свое уязвленное самолюбие и продемонстрировать мне толщину отцовского бумажника. В то самое время, когда мой талантливый брат стоял на грани вылета из университета из-за точно такой же суммы. А самое возмутительное — этот элитный ботанический кошмар полностью заблокировал работу моего кофе-пойнта. Подошедший к стойке постоянный клиент из консалтинга банально не смог дотянуться до терминала оплаты через стену колючих стеблей.

— Значит, за кислый характер, гражданин гонщик? — тихо, с ледяной усмешкой прошептала я в пустоту.

В голове мгновенно вспыхнула шальная, дерзкая, абсолютно гениальная мысль.

Я сдвинула лезвие канцелярского ножа, подошла к пустой коробке из-под карамельного сиропа и одним точным движением отрезала широкий кусок плотного светло-коричневого картона. Затем выдвинула подсобный ящик, нашла самый толстый черный несмываемый маркер и крупными, сочными плакатными буквами вывела на картоне следующий текст —

«Эксклюзивная распродажа от шеф-бариста! Свежайшие отборные эквадорские розы метровой длины всего по сто рублей за штуку! Все собранные деньги до последней копейки идут в фонд спасения семестра талантливого студента! Спешите порадовать коллег!».

С помощью обычной деревянной бельевой прищепки для товарных чеков я намертво закрепила картонную табличку прямо в самой гуще колючих стеблей.

То, что развернулось в следующие полчаса, не поддавалось никакому логическому описанию.

Москва-Сити повидала в своей жизни немало роскоши, но отборные эквадорские розы премиум-класса по сотне рублей за бутон здесь не продавали еще никогда. Новость о невероятной благотворительной ярмарке со скоростью молнии разлетелась по корпоративным мессенджерам всех сорока этажей стеклянного гиганта.

К моему скромному пятачку хлынуло настоящее людское цунами.

Секретарши, помощницы топ-менеджеров, сотрудницы аудиторских отделов, практикантки из юридической службы и даже строгие женщины из совета директоров с азартным блеском в глазах обступили прилавок плотным кольцом.

— Девушка, мне заверните пять штук! Нет, давайте сразу десять, у нашей начальницы сегодня как раз юбилей!

— А мне три бутона прямо на рабочий стол!

— Возьмите тысячу рублей, сдачу оставьте вашему талантливому брату на зачеты!

Молоденький стажер из юридической конторы на тридцатом этаже смущенно протянул пятьсот рублей и попросил пять самых длинных роз для девушки с ресепшена, в которую был тайно влюблен уже полгода. Женщина-руководитель из департамента рисков взяла сразу охапку из пятнадцати штук, заявив, что украсит переговорную комнату к тяжелым торгам с подрядчиками.

За сорок минут я распродала всю корзину. Уворачивалась от шипов, передавала розы через стойку, ловила деньги в картонный стакан. На дне корзины остались только листья.

Когда последняя роза покинула стойку, я схватила телефон и дрожащими от волнения пальцами набрала Даню.

— Поль? — раздался в трубке его убитый, глухой голос. — Я в библиотеке...

— Дань, у нас уже двадцать шесть четыреста! — сказала я. — Розы продала. Не смейся, потом объясню. Еще тринадцать шестьсот — и закроем. Завтра попрошу аванс.

— Тебе дадут?

— Иннокентий еще не знает, но да. Не бросай учебу, слышишь?

— Полька... Откуда?! — ошарашенно ахнул Даня, и я услышала, как у него перехватило дыхание. — Ты же не влезла в грабительские кредиты?!

— Нет, глупый! Один щедрый столичный автолюбитель решил сделать весомый вклад в развитие отечественной микроэлектроники! Учись давай, гений, вечером куплю нам нормальной еды!

Я сбросила вызов, перевязала пачки банкнот канцелярскими резинками и аккуратно выставила их ровными столбиками на прилавке.

Ровно в полдень стеклянные двери башни плавно разъехались в стороны.

В вестибюль неторопливой, вальяжной походкой триумфатора вошел Влад Орлов.

Сегодня он выглядел словно топ-модель с обложки элитного мужского глянца. На нем был надет безупречно скроенный темно-синий блейзер поверх ослепительно-белой сорочки с расстегнутым воротником, отутюженные темно-серые брюки и дорогие кожаные туфли ручной работы. От него тонко веяло свежим бергамотом и дорогим парфюмом, а на губах блуждала победная улыбка человека, пришедшего за законным трофеем.

— Ну что, Смирнова? Угодил? — спросил он еще из-за колонны.

— Даже не представляете, насколько, — ответила я, не отрываясь от денег.

Влад расправил плечи и обошел колонну.

Влад небрежным шагом приблизился к кофе-поинту, самодовольно засунул руки в карманы брюк и замер как вкопанный на полушаге.

Дубовая столешница сияла безупречной чистотой.

Посреди прилавка стояла пустая плетеная корзина. На дне валялись три подсохших листика и его черный конверт со вскрытой запиской.

А за стойкой, удобно подперев кулачком щеку, сидела я. Перед моими глазами на чистом дереве ровными, плотными столбиками высились аккуратные пачки банкнот, туго перетянутые канцелярскими резинками.

Влад часто заморгал. Его лоб прорезала глубокая вертикальная складка, уверенная улыбка на холеных губах дрогнула и медленно сползла без следа.

— Смирнова... — выдавил он сдавленным, хриплым голосом, озираясь по сторонам в поисках пропавших цветов. — А где... где розы?

Я медленно подняла на него сияющий, абсолютно счастливый взгляд. Взяв со стойки последнюю плотную пачку денег, я игриво подбросила ее на ладони и аккуратно опустила в холщовый инкассаторский мешочек.

— Проданы по оптовой спекулятивной цене, гражданин Орлов! — звонко, с наслаждением отчеканила я, глядя в его расширившиеся зрачки. — Сто одна роза по сотне. Остальное накидали сверху. Одиннадцать четыреста — и ни одной жалобы на кислый характер!

Челюсть Влада медленно поползла вниз.

— Ты... ты продала мои розы? — потрясенно прошептал он, словно я только что призналась в вооруженном налете на центральный банк.

— Именно так. Моему брату теперь гораздо легче оплатить учебу.

Я достала из-под кассы конверт с его пяти тысячной.

— И ваши чаевые заберите. За тот эспрессо я угощаю.

Он взял конверт двумя пальцами. Я постаралась не улыбаться слишком широко.

— Если еще ненужные веники завалиются — присылайте. Нам осциллограф нужен.

Влад еще раз заглянул в пустую корзину. Подцепил свою записку, прочел и положил обратно.

— Одиннадцать четыреста, — повторил он.

— Могу выдать чек. Только не пытайтесь вернуть товар.

Он тяжело оперся кулаками о дерево по обе стороны от пустой корзины и заглянул мне в самые зрачки.

— Ты невыносима, Смирнова, — тихо, с опасной бархатной хрипотой в голосе произнес он. — Но если ты думаешь, что победила в этой войне, ты сильно ошибаешься. Игра только начинается.

Он резко развернулся и стремительным шагом направился к стеклянным дверям.

Я смотрела ему вслед, прижимая мешочек с деньгами к груди. У дверей Влад вытащил телефон и кому-то позвонил.

Глава 5

Понедельник в стеклянной башне начинался с металлического гула. Зеркальный атриум на первом этаже гудел как турбина перед взлетом, втягивая утреннюю толпу из дверей и перехода. Пахло кондиционированным холодом, влажным полированным гранитом и дешевым освежителем с запахом морского бриза, который щедро распыляли возле эскалаторов.

Я стояла за стойкой нашего крошечного островка, зажатого между двумя колоннами и витриной ювелирного бутика. Два на три метра полированного дуба, хромированный бок двухгруппной итальянской кофемашины, две кофемолки и стеклянная полка для круассанов. Мое маленькое царство, где я знала каждый винтик и наклон холдера в раздаточной группе.

Была половина восьмого утра. До первого наплыва служащих оставалось минут пятнадцать. Я успела прогреть бойлер, протереть паровые трубки хлопковой салфеткой и выстроить пирамиды бумажных стаканов трех размеров.

Служебный телефон под кассой вдруг зашелся мелкой вибрацией. На треснувшем экране замигало имя управляющего нашей сети — Иннокентий Петрович.

Я нажала на кнопку и прижала трубку плечом к уху, расправляя салфетки в держателе.

— Да, Иннокентий. Я на точке, группы прогреты, зерно смолото.

— Полиночка, радость моя, — зашелестел сладковатый до приторности шепот. Так управляющий говорил лишь тогда, когда забывал начислить аванс или когда надвигалась катастрофа. — Ты наш самый надежный сотрудник, золото, опора сети. Скажи, что у тебя сегодня чудесное настроение.

— Иннокентий, вы меня пугаете. Если поставщик снова привез кислое молоко, я разверну фургон прямо на пандусе.

— С молоком порядок, честное слово, — зачастил он, судорожно сглатывая. — Тут дело другого свойства. Мне звонил один из учредителей управляющей компании башни. У него есть

близкий родственник. Непростой молодой человек. С амбициями, но слегка отбившийся от рук на почве родительских денег. Семья решила провести курс воспитательной трудотерапии.

У меня внутри шевельнулось недоброе предчувствие.

— И при чем здесь мой кофе-поинт?

— Неделю побудет у тебя помощником, — выпалил Иннокентий. — Ты старшая смены, ты и командуй. Мне за это аренду обещали не поднимать. А тебе — двойную премию. Не из твоих же чаевых, честное слово.

— Какой еще мальчик, Иннокентий? В обед тут очередь до турникетов. Мне некогда сопли вытирать чужим избалованным сынкам!

— Он уже спускается, — пискнул управляющий и бросил трубку.

Я раздраженно выдохнула и подняла взгляд.

Над зеркальным гранитом холла раздался размеренный, тяжелый стук дорогих подошв. Толпа служащих в серых пальто расступалась, словно перед несущимся катером.

Сквозь турникеты шел Влад Орлов.

На нем была белоснежная хлопковая футболка парижского модного дома с крошечным логотипом у ворота, плотные темные джинсы и начищенные до блеска ботинки. А поверх этой роскоши, стоившей больше семестра учебы моего брата Дани в Бауманке, был натянут наш фирменный черный фартук. На кармане красовалась вышитая рыжая лиса с кофейным зерном в зубах.

Он подошел к стойке, оперся широкими ладонями о столешницу и склонил голову. На запястье блеснул массивный стальной хронограф. На губах играла та самая сытая, невыносимо наглая улыбка, от которой у меня мгновенно зачесались кулаки.

— Смирнова, принимай пополнение, — протянул он низким бархатным голосом. — Отец думает, я здесь страдаю ради семейного мира. Друзья думают, я проспорил поездку на Лазурный берег. А я просто не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за твоим свирепым взглядом с близкого расстояния. Где мое кресло?

Я медленно выпрямилась, скрестив руки на груди.

В пятницу сорок тысяч ушли на счет университета: мои пятнадцать, одиннадцать четверта за розы, чаевые и аванс Иннокентия. Даня прислал фотографию квитанции с тремя восклицательными знаками. А Орлов, видимо, решил, что одной корзиной от меня не отделаётся.

А теперь он стоял передо мной в рабочем фартуке. Сам сунул голову в капкан.

Губы мои тронула медленная улыбка.

— Значит, стажер, — негромко произнесла я.

— Младший партнер по варке кислятины, — поправил он с ленивой грацией. — Можешь звать меня господин Орлов.

— Мечтай дальше.

Я выдвинула ящик под кассой, нащупала пластиковый бейдж со словом «Стажер», достала черный несмываемый маркер и крупными буквами вывела фамилию. ОРЛОВ.

Затем откинула створку калитки и шагнула к нему вплотную.

Влад был выше меня на двадцать сантиметров. Пришлось запрокинуть подбородок. От него пахло морозным воздухом, дорогим кедровым парфюмом с горькой нотой табака и теплом. Ни капли запаха кофе. Пока.

Я взяла бейдж двумя пальцами, потянула край его парижской футболки и без колебаний вогнула толстую стальную булавку сквозь элитный трикотаж.

Влад едва заметно вздрогнул, но бровью не повел. Только карие глаза потемнели.

— Это вещь ручной работы, Смирнова, — тихо заметил он.

— Теперь это твоя спецодежда, Орлов, — отчеканила я, защелкивая замок и слегка хлопнув ладонью по его груди. Под пальцами оказались твердые плиты мышц. — Запомни главное правило. Здесь нет твоих автосалонов, связей и гоночных понтов. Здесь команду я. Одно

лишнее слово или кривой взгляд на гостя — вылетаешь на улицу с волчьим билетом. Вопросы есть?

Влад наклонился ближе. Нас разделяла ширина ладони.

— Вопрос один, начальница, — выдохнул он, обдав мои губы теплом. — Когда мы начнем целоваться в подсобке?

Я заставила себя отвести взгляд от его рта и заглянула в ящик под мойкой.

— Сразу после того, как ты вымоешь сточные каналы и жируловитель под раковиной. Начнем прямо сейчас. Шагом марш за стойку.

Он криво усмехнулся и протиснулся за калитку. Его широкие плечи с трудом вписались в габариты. В кофейне сразу стало тесно.

— С чего начинаем? С двойных шотов? С рисунков сердечек на пенке?

— Сердечки он рисовать собрался, — фыркнула я. — Наклоняйся.

Я присела возле шкафчика под мойкой и достала пластиковый таз, ершик с жесткой щетиной и пачку перчаток. Перчатки были хозяйственные, ядовито-розового оттенка фуксии, самого маленького размера.

Я с невинным видом протянула резиновую пару опешившему мажору.

— Надевай. Твои холеные руки не должны страдать от щелочи.

Влад посмотрел на розовый латекс с неподдельным ужасом.

— Ты издеваешься? Они же розовые. И детские.

— Либо натягиваешь эти перчатки, либо отскребаешь жир голыми пальцами. Выбирай. Через двадцать минут начнется поток.

Влад глухо зарычал сквозь зубы, но перчатки выхватил.

Следующие три минуты стали чистым бальзамом для моей души. Плечистый парень с мрачным сопением натягивал узкую резину на широкие ладони со сбитыми костяшками. Латекс трещал, облепив пальцы так, что они стали похожи на розовые сардельки. Влад яростно дергал перчатку, ругаясь вполголоса.

Я прислонилась бедром к кофемашине и наслаждалась зрелищем.

— Большой палец поправь, Орлов. Морщит.

— Я тебе это припомню, Смирнова, — процедил он, поднимая розовые руки на уровень глаз. Взгляд хищника в обрамлении девичьего глянца выглядел потрясающе. — Что дальше?

— Вставай на колени, благородный дон. Вон там сливной бак под мойкой. Съемный черный бак. Туда сливается гуща, скисшее молоко и мыльная вода. Отщелкиваешь крышку, вычищаешь осадок шпателем в ведро, промываешь патрубки ершиком со средством против налета. Капнешь на пол — вручу зубную щетку.

Он заглянул в темную нишу под мойкой. Поправил сползшую перчатку.

Но он не ушел.

Он молча опустил на колено прямо на резиновый коврик. Футболка натянулась на мощных лопатках. Влад засунул руки в отсек и со щелчком сорвал крышку бака.

Из ниши потянуло тяжелым духом перебродившей кофейной жижи. Влад скривился, но не отступил.

— Ну и запах у вас тут, — прохрипел он снизу.

— Это запах честного труда, стажер. Двигай ершиком активнее. Резьбу вокруг сливного шланга прочисти.

Влад возился минут десять. Я ждала халтуры, но он открутил внутренний фильтр, выскреб темную массу, промыл решетку до скрипа под струей кипятка и вытер насухо ветошью. Фильтр он поставил обратно с первого раза, попав резьбой. Я наклонилась поискать хоть один пропущенный комок гущи.

Когда он выпрямился, на его лбу блестели капли пота, прядь прилипла к виску, а на скуле темнела полоска кофейной грязи.

Он с хлопком содрал розовые перчатки, бросил в таз и тяжело уперся кулаками в столешницу.

— Принимай работу.

Я заглянула под мойку. Бак блестел чистотой, ни единой капли мимо.

— Сносно, — обронила я. — Для первого раза сойдет.

— Сносно? Я там чуть легкие не оставил, и ты говоришь «сносно»?

— А ты ждал медаль? Вот твое следующее дело.

К островку с грохотом подкатила тележка. Хмурый экспедитор в синей спецовке сгрузил в проходе три огромных мешка из грубой дерюги с яркими желтыми надписями.

— Бразилия сантос, арабика, — буркнул он, сунув планшет. — Шестьдесят килограммов, три места по двадцать. Затаскивайте сами.

Он ушел, оставив мешки перегораживать проход.

Я подошла к первому мешку, ухватила за углы ткани и потянула. Мешок замер как гранитный валун, спину кольнуло.

— Отойди, мелочь, — раздался над ухом низкий голос. — Позвоночник осыплется, кто мне кофе варить будет?

Влад мягко оттеснил меня бедром. Движение вышло плотным — его бедро на секунду прижалось к моему. Сквозь джинсы меня словно обожгло сухим жаром его тела. Перехватило дыхание, я отступила к деревянному борту островка.

Влад широко расставил ноги, присел, обхватил тюк обеими руками и мощным рывком закинул двадцатикилограммовую тяжесть себе на правое плечо.

Белый хлопок его футболки натянулся до предела.

Под футболкой напряглись мышцы спины. На голых предплечьях выступили вены. Чуть выше запястья белели два тонких старых шрама от сорвавшегося ключа.

От него пахло нагретой кожей, кедром и сухим ароматом жареного зерна.

Во рту пересохло. Сердце сделало странный толчок и застучало тяжело и часто.

Влад шагнул к подсобной тумбе, но нога зацепилась за упаковочный рулон на полу. Он качнулся. Тюк на плече опасно накренился прямо на хрупкую витрину с круассанами.

Чтобы сберечь стекло, Влад резко развернулся всем корпусом, прижал тюк к груди и с глухим стуком впечатался спиной в перегородку стойки — прямо передо мной.

Мы оказались лицом к лицу.

Нас разделяло пять сантиметров. Я чувствовала прерывистый ритм его дыхания на своей щеке. По его виску бежала капля пота, зрачки расширились от адреналина.

— Держу, — выдохнул он хрипло прямо мне в губы. — Видишь, Смирнова? Ни грамма сырья не рассыпал. Даже витрина цела.

Я смотрела на кофейную полоску у него на подбородке. Надо было сказать, чтобы отошел. Немедленно.

— Молодец, Орлов, — с трудом выдавила я, стараясь звучать сухо. — Экзамен грузчика сдан. Сгружай в ларь и отойди. От тебя жаром пышет как от печки.

— Это пламя страсти к труду, язва, — усмехнулся он.

Он сбросил мешок в напольный контейнер, расправил плечи и смахнул пот тыльной стороной запястья. Остальные два мешка он перетаскил за пару минут, двигаясь легко и слаженно.

Затем победоносно уперся руками в бока и уставился на сияющую кофемашину.

— Ну все, начальница. Сантехнику победил, тяжести перетаскал. Пусти меня к технике. Я гоночные восьмицилиндровые моторы с закрытыми глазами перебираю. Твоя блестящая кастрюля для меня детская забава.

Я достала сухую хлопковую салфетку, бросила перед ним и скрестила руки.

— Детская забава, говоришь? Посмотрим, как ты запоешь, когда эта кастрюля покажет свой характер.

Глава 6

К девяти утра первая волна сонных офисных страдалыцев наконец схлынула. Вестибюль башни ненадолго затих. На пятчке за стойкой повисла обманчивая тишина, пахнущая остывающим эспрессо и корицей.

Влад стоял у хромированного бока кофемашины, уперев кулаки в бока. Лицо его выражало ту высшую степень мужского самодовольства, которая обычно предшествует падению с лестницы.

— Ну что, начальница, — протянул он, лениво перекатывая в пальцах металлический питчер. — С тяжелым физическим трудом покончено. Теперь объясни мне на пальцах, как устроена эта паровая турбина. Бойлер на двенадцать литров, манометр давления, трубка с форсункой. Примитивнее карбюратора на старом жигуленке.

Я вздохнула, заправила за ухо каштановую прядку и встала рядом.

— Смотри сюда очень внимательно, Орлов. И постарайся включить остатки своего раллийного мозга. Это итальянская машина с бойлером высокого давления. Пар выходит с температурой сто сорок градусов. Одно неверное движение — обваришь себе руки.

Влад снисходительно хмыкнул, скривив четко очерченные губы.

— Смирнова, я горячие коллекторы голыми руками прикручивал, когда на кольце шпильку сорвало. Давай технологию.

— Холодное молоко до основания носика. Не до краев, Орлов. Сначала выпусти конденсат, потом опускай трубку.

Я коротко открыла пар в каплесборник.

Облачко пара ударило в решетку.

— Кончик держи у поверхности. Как кувшин станет горячим — закрывай пар. И только потом убирай молоко. Покажи, что понял.

Влад выхватил питчер с нахальной ухмылкой.

— Слишком много китайских церемоний. Я с моторами с детства вожусь. С молоком уж разберусь. Отойди на шаг, смотри как работают пилоты.

Он открыл тетрапак и широким жестом плеснул молоко в питчер — прямо до самых краев, оставив до металлического ободка пару миллиметров.

— Влад, стой, ты перелил! — крикнула я, потянувшись к его руке. — Вылей половину, разорвет же воронку!

— Не учи отца кататься, Смирнова, — самоуверенно бросил он через плечо, заслоняя меня широкой спиной.

Он грубо, без всякой продувки конденсата, насадил переполненный кувшин на паровую трубку. Засунул форсунку на самое дно и с залихватским видом стритрейсера крутанул вентиль пара до упора.

На полный оборот.

Стрелка манометра дрогнула.

Внутри бойлера раздался зловещий свист. Металлическая трубка задрожала с бешеной частотой.

— Орлов, закрой! — заорала я.

Было поздно.

Молоко бурно вспухло в переполненном кувшине. Влад дернул его вниз, и трубка, выскочив из молока, ударила паром по самой поверхности.

С глухим хлопком и свистящим ревом белый фонтан молока и пара рванул из питчера вверх и в стороны.

Струя кипятка хлестнула по пальцам Влада. От неожиданной обжигающей боли он дернулся, выпустил раскаленный кувшин. Тяжелый питчер подскочил на решетке и с размаху сшиб стоявшую на краю полки толстостенную керамическую чашку для капучино с фирменной лисой.

Чашка полетела вниз.

Раздался трескучий звон. Керамика с грохотом разлетелась на десяток мелких осколков прямо на каменном полу.

Молочные брызги попали ему в лицо. Нагреться молоко еще не успело — зато пены хватило от макушки до фартука.

Я протиснула руку мимо его локтя и перекрыла пар. Хлопок, шипение капель на металле — и немая тишина.

Я застыла, зажав рот ладонями.

Перед кофемашиной стоял Влад Орлов.

Он замер в ошарашенной позе. Руки были согнуты в локтях и растопырены в стороны, обожженные горячим паром пальцы мелко подрагивали, покрываясь красными пятнами.

Вся его безупречная модельная стрижка была залеплена плотными хлопьями белой пены, словно на него сбросили ведро взбитых сливок. Густая молочная жижа заливала лоб, сползала по переносице, висела огромной каплей на самом кончике прямого носа.

Оба глаза Влада были заклеены пеной. Он часто моргал длинными мокрыми ресницами, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь белый покров, и невольно причмокивал перемазанными губами.

— У-ух, — глухо выдавил он сквозь слой молока. — Кажется, гидродинамика пошла не по плану.

Пена со шлепающим звуком капала с его подбородка на вышитую лису на фартуке. Бело-снежная футболка промокла насквозь от брызг, облепив широкую грудь. Циферблат швейцарского хронографа на запястье утонул в пенной луже.

Я посмотрела на его молочный нос — и не выдержала.

Я схватилась за край стойки, согнулась пополам и залилась таким оглушительным, звенящим хохотом, какого не слышали эти стеклянные своды.

Смех вырывался бурными волнами, до колик в животе, до слез, брызнувших из глаз. Я хохотала так, что подкосились колени, и пришлось повиснуть на борту кассовой тумбы.

— О боже мой! — стонала я, задыхаясь от хохота. — Смирнова, принимай пополнение! Снеговик с Рублевки! Элитный капучино с доставкой на дом!

Влад попытался вытереть лицо плечом, но только размазал пену по всей щеке, отчего стал похож на взъерошенного грустного пса.

— Прекрати ржать, Смирнова. У меня в глазах все белое. И в носу хлюпает.

— Стой смирно! Не шевелись!

Я выхватила из кармана телефон, присела и сделала четыре снимка подряд. Камера четко зафиксировала каждую молочную сосульку на его челке и монументальную каплю на кончике носа.

— Шедевр! Это пойдет на заставку терминала! Повешу прямо над стойкой с надписью «Лучший сотрудник месяца»! Удалю только в обмен на дарственную на твой спорткар!

Влад медленно поднял руку, протер один глаз и уставился на меня.

Я ждала ярости, криков, угроз уволить меня.

Но на его перепачканном лице вдруг дрогнул уголок губ. Затем второй.

Влад тихо хмыкнул, шумно выдохнул через ноздри, сдув пену с губы, и вдруг сам глухо, искренне рассмеялся.

Я даже перестала смеяться, чтобы расслышать его. Не ожидала, что он тоже сможет.

— Признаю, Смирнова, твоя кастрюля меня уделала в первом раунде.

Он попытался снова смахнуть пену предплечьем, но зашипел от резкой боли. Я увидела, как он судорожно прижал ладонь к груди.

Подушечки его пальцев на правой руке были пугающе красными. Он крутил пальцами, стараясь не показывать, как их саднит.

Мой смех мгновенно оборвался. Веселье испарилось, уступив место колющей тревоге.

— О боже, Орлов... Ты же обжегся.

— Ерунда, — поморщился он, пряча руку за спину. — Просто ошпарило. Бывало и хуже.

— Молчи, идиот, — сердито бросила я, но голос прозвучал вовсе не строго, даже странно надломленно.

Я отвела его к мойке и подставила правую руку под прохладную воду. Пока он охлаждал пальцы, смочила чистую салфетку, чтобы убрать молоко с лица.

— Руку держи под водой. И нагнись, я до твоего носа не достаю.

Влад послушно наклонился.

Он был таким огромным, нелепо перепачканным и неожиданно беззащитным. Чтобы дотянуться до его лица, мне пришлось встать на самые цыпочки.

Расстояние между нами растаяло.

Я приложила салфетку к его виску. Влад перестал улыбаться.

— Холодная? — шепотом спросила я.

— Нормально, — хрипло отозвался он.

Я медленно, бережными круговыми движениями начала снимать теплую пену с его кожи. Промокнула лоб, аккуратно убирая белые хлопья с темных прядей. Провела салфеткой по переносице, сняла каплю с кончика носа.

Сквозь влажную ткань пальцы чувствовали жар его кожи. Кожа на его скулах была горячей, с жестким намеком на двухдневную темную щетину. От него пахло влажной тканью, молоком и глубоким древесным теплом.

Я опустила чуть ниже, стирая пену с его щеки и подбородка.

Влад стоял не шевелясь, глядя на меня сверху вниз. Его глаза потемнели до цвета крепкого кофе без сахара, зрачки расширились. В этом взгляде не осталось ни капли издевки. В нем было что-то тяжелое, напряженное и пугающе откровенное.

Мои пальцы дрогнули. Салфетка скользнула по краю его нижней губы. На губах еще блестели капли молока.

Я остановила салфетку у его губ. До сих пор он мешал мне работать. Сейчас я сама не спешила возвращаться к работе.

Влад медленно поднял левую руку. Его длинные пальцы с твердыми мозолями осторожно сомкнулись вокруг моего правого запястья.

Хватка была не грубой — бережной, почти умоляющей. Его ладонь была горячей как огонь, и через тонкую кожу пульса словно ударил электрический разряд.

— Смирнова, — хрипло произнес он. — Ты всегда такая заботливая, когда враг повержен?

— Только когда враг выглядит как мокрый пудель, — попыталась съязвить я, но голос сорвался на полутоне.

Я не попыталась отнять руку. Я просто стояла, глядя в его потемневшие глаза, чувствуя, как под его пальцами отчаянно колотится моя вена. Между нашими губами оставалось не больше трех сантиметров.

Глава 7

Внезапно со стороны вестибюля раздался резкий стук костяшек по стеклянной витрине.
— Эй, молодежь! Вы работать собираетесь или так и будете в гляделки играть? У меня перерыв заканчивается!

Морок разбился вдребезги.

Я испуганно отшатнулась назад. Влад шумно втянул носом воздух и разжал пальцы на моем запястье. На коже остался четкий след его руки.

У стойки переминался плотный мужчина в костюме. Он недовольно косился на белые разводы на фартуке Влада и на осколки керамики на полу.

— Два эспresso с собой, поживее, — буркнул клиент.

— Сейчас сделаем, минутку, — выдавила я, торопливо отворачиваясь к кофемолке с пылающими щеками.

Влад стоял рядом, глядя себе под ноги. Там, на темном полированном граните, расплылась огромная белая лужа молока, в которой сиротливо блестели острые черепки разбитой чашки.

— Так, Орлов, — произнесла я, стараясь говорить твердо, пока насыпала помол в холдер.
— Романтика окончена. Руку пока не убирай. Как перестанет щипать — бери швабру. Серое ведро в углу.

Он поднял на меня взгляд, в глазах тлели угли.

— Мыть полы? Я?

— Ты разбил казенную чашку, ты залил островок молоком. Если клиент поскользнется, нас обоих вышвырнут без права переписки.

Влад еще постоял у мойки. Когда жжение стихло, осторожно согнул пальцы и сам потянулся за шваброй.

Следующие десять минут наследник автомобильной империи орудовал шваброй.

Он аккуратно смел совком черепки, завернул их в бумажный пакет, чтобы избежать порезов, и затем методично принялся отмывать пол. Мышцы его спины ходили ходуном под мокрой футболкой. Он тер гранит до тех пор, пока пол под ногами не закрипел от чистоты.

Когда он вернул швабру на место, я выдала ему чистый фартук и поставила собирать заказы. До обеда он больше не спорил с инструкциями. К половине первого стойка уже блестя, а стопки крышек и стаканов были готовы к следующему наплыву.

— Ну что, чистюля, — выдохнул он, смывая мыло с рук. — Полы блестят. Посуда убрана. Пальцы уже почти не щиплет. Могу я получить чашку кофе за боевые заслуги?

Я посмотрела на его чистое лицо, на мокрые темные пряди, на покрасневшие костяшки пальцев. Внутри разлилось теплое чувство, на которое я никак не могла навесить ярлык неприязни.

— Получишь, — тихо сказала я. — Но позже. Потому что прямо сейчас нам наступит конец.

Из лифтового холла первого этажа с гулким треском выплеснулась первая гигантская волна людей. Начался обеденный час пик.

Обеденный час пик в Сити обрушивался как внезапный сход ледниковой лавины.

Ровно в половине первого стеклянные двери лифтовых холлов распахнулись на всех этажах, и в вестибюль хлынул сплошной людской поток. Сотни голодных клерков устремились к выходам и кафе.

Уже через пять минут наш островок был взят в осаду. Очередь изогнулась длинной змеей вдоль стены почти до самых турникетов. Воздух наполнился многоголосым гулом, звонком кассы, лязгом холдеров о планку нок-бокса и яростным шипением пара.

— Орлов, слушай приказ, — быстро сказала я, не поднимая головы от кофемолки. — К кофемашине ты больше не прикасаешься. Твоя задача проще. Принимаешь чеки, выбиваешь на стаканчиках маркером имена гостей, насаживаешь крышки и добавляешь сиропы. Вон там стоят дозаторы. Белая этикетка — ваниль. Коричневая — соленая карамель. Зеленая — фисташка. Фиолетовая — лаванда. Ошибешься хоть раз — лично сварю тебе эспрессо из молодого перца.

— Понял, командир, — отозвался Влад.

Голос звучал непривычно собранно. Я мельком глянула на него через плечо. От его ослабленной лени не осталось следа. Он стоял у раздаточного края стойки с черным маркером в правой руке. Футболка хранила следы утренней аварии, но взгляд стал предельно цепким и быстрым. Так гонщики оценивают поворот на мокрой трассе.

Следующие полчаса превратились в бешеную карусель.

Заказы сыпались сплошной лентой.

— Большой капучино на миндальном с ванилью для Марины!

— Двойной американо без сахара для Сергея!

— Два средних флэт уайта и круассан!

— Фильтр-кофе в термокружку!

Мои руки работали на рефлекс. Снять холдер, выбить таблетку, щелкнуть помолом, утрамбовать темпером с усилием в пятнадцать килограммов, запустить пролив, взбить гляцевую пену, влить в чашку.

Влад включился в ритм поразительно быстро. Пальцы ловко хватали стаканы, маркер выводил имена, помпы сиропов четко отщелкивали нужные миллилитры. Он двигался экономно, без суеты, мгновенно передавая мне пустые чашки и подхватывая полные.

Но чем дольше длился шторм, тем отчетливее я замечала, как сгущается напряжение вокруг стойки.

Причиной были гости из финансового сектора.

Обычно клиенты знали меня как строгую, неразговорчивую девчонку. Но сегодня щеки мои пылали румянцем, глаза лихорадочно блестели, а рядом маячила фигура стажера, которая откровенно раздражала местных завсегдатаев.

К стойке подошли двое парней в безупречных серых тройках с золотыми запонками.

Один из них, высокий блондин с зализанными волосами, вальяжно облокотился на перегородку прямо напротив меня, игнорируя стоявшего рядом Влада.

— Полина, солнце, добрый день, — пропел он, поигрывая ключами от немецкого седана. — Ты сегодня восхитительно выглядишь. Этот румянец тебе идет. Свари-ка мне авторский раф, да послаще. И черкни свой телефон на доньшке стакана. Вечером едем на Патриаршие, я бы с удовольствием показал тебе правильные места.

Я даже рта не успела открыть для отповеди.

Между нами выросла глухая черная стена.

Влад сделал один тяжелый шаг вперед. Его широкие плечи полностью перекрыли обзор блондину, отрезав меня от назойливого взгляда.

Я успела налить заказанный раф и подала стакан Владу. Он поставил его перед парнем с такой силой, что напиток едва не выплеснулся через край.

— Твой кофе, приятель, — произнес Влад.

Влад оставил ладонь у стакана. Блондину пришлось потянуться мимо нее за своим заказом.

Рулон салфеток смялся у него в другой ладони.

Блондин опешил, отшатнувшись назад под этим давящим взглядом.

— Эй, полегче, любезный. Ты кто вообще такой? Официантам слова не давали.

— Она работает. Ты заказал кофе — получи кофе, — сказал Влад. — А ключами звени на парковке.

— Псих какой-то, — пробормотал парень, торопливо сгреб стакан и поспешил затеряться в толпе.

Я замерла с питчером в руке, глядя в широкую спину напарника.

Я прикусила губу, пряча улыбку. Хорошо, что он стоял ко мне спиной.

— Орлов, ты с ума сошел? — шепнула я ему в спину, толкнув локтем. — Всех клиентов распугаешь!

— Пусть держат язык за зубами, — рыкнул он, все еще тяжело дыша. — Расселись тут, павлины.

Но развить тему мы не успели. Очередь расступилась сама собой.

К стойке сокрушительной поступью приближалась гроза тридцать второго этажа, легендарный директор по управлению персоналом холдинга — Алла Борисовна.

Монументальная дама в стальном костюме-тройке мужского покроя. Высокая прическа была залита лаком до состояния шлема, на груди блестела тяжелая золотая цепь, а ледяной взор маленьких глаз сквозь тонкие очки заставлял трепетать даже вице-президентов.

Она остановилась перед стойкой, сняла кожаные перчатки и смерила нас взглядом судьи верховного трибунала.

— Большой американо без молока, — отчеканила она звонким командным голосом. — Без сахара. С двойной порцией соленой карамели. И поживее, молодые люди. Ровно через четыре минуты у меня начинается годовое собрание правления.

— Сейчас сделаем, Алла Борисовна! — отозвалась я, нажимая кнопку двойного пролива эспрессо. — Влад, кипяток в большой стакан и карамель!

Влад стоял у термопота. Фигура его звенела от остатков злости после стычки.

Он схватил черный стакан, дернул рычаг горячей воды, наполнив емкость на три четверти. Затем развернулся к ряду сиропов.

На полке рядом стояли две одинаковые стеклянные бутылки. В одной плескалась коричневая карамель, а во второй — темная фиолетовая жидкость.

В спешке и полумраке Влад схватился за фиолетовый дозатор.

Он нажал на помпу один раз. Второй. Третий.

В стакан потекла лаванда. Влад уже тянулся за крышкой, даже не взглянув на фиолетовую этикетку.

Влад плеснул сверху свежий эспрессо, с хлопком насадил крышку и с улыбкой поставил стакан перед железной леди.

— Ваш напиток, уважаемая. Заряжен на безоговорочный успех.

Алла Борисовна окинула его надменным взглядом, взяла стакан и сделала глубокий глоток через питьевник.

Секунду ничего не происходило.

Затем идеальный мир треснул.

Брови Аллы Борисовны с фантастической скоростью взлетели на середину лба. Глаза за стеклами очков округлились. Кожа на щеках стремительно сменила цвет со стального на пунцово-багровый.

Она судорожно поперхнулась, издала страшный булькающий звук и с силой закашлялась, выставив руку вперед.

Очередь замерла. Шум мгновенно стих.

— Это... это что за отрава?! — раздался визгливый крик, от которого задрожали стеклянные перегородки бутика напротив.

Алла Борисовна с размаху грохнула стакан о столешницу. Мутная жижа плеснула во все стороны, заливая край рабочей зоны.

— Вы что себе позволяете, сопляки?! — гремела директриса, тыча пальцем прямо в лицо Владу. — Это вкус стирального порошка с дешевым освежителем для унитазов! Вы налили мне концентрированное мыло! Вы решили отравить меня перед советом директоров?! Кто пустил сюда этих безруких оборванцев?! Я сию секунду вызываю руководителя департамента аренды! Вашу лавочку опечатают и вышвырнут на помойку к трем часам дня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.